

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОЙ САМОРЕГУЛЯЦИИ

А. В. Рубанов

Суть процесса социальной саморегуляции, на наш взгляд, впервые наиболее точно отразил в своем законе Вызова-и-Ответа А. Дж. Тойнби. «Общество, – писал он, – в своем жизненном процессе сталкивается с рядом проблем и каждая из них есть вызов» [1]. «Вызов побуждает к росту. Ответом на вызов общество решает вставшую перед ним задачу, чем переводит себя в более высокое и более совершенное с точки зрения усложнения структуры состояние. Отсутствие вызовов означает отсутствие стимулов к росту и развитию» [2].

Вызовы данному обществу историк Тойнби связывал с действием внешних по отношению к нему факторов: природной среды (климатических и географических условий) и человеческого окружения (давление «иноземной социальной силы»). Задача социолога, как нам представляется, состоит в том, чтобы, если следовать терминологии А. Дж. Тойнби, во-первых, выделить вызовы, имеющие внутрисоциальное происхождение, прежде всего те из них, которые обуславливают ведущее направление развития социума; во-вторых, раскрыть способы, какими дается ответ на эти вызовы.

В современной социально-экономической и геополитической лексике понятийная связка «вызовы и ответы», а также близкие к ним по своей смысловой нагрузке пары понятий: «угрозы и шансы» или «риски и возможности» становятся ключевыми. Так, в последние годы знаковой стала формула «Глобализация: вызовы и ответы». Вызовы обычно рассматриваются как внутренние или внешние препятствия, дефициты, а также открывшиеся более широкие возможности (открытие новых запасов ресурсов, геополитическое ослабление соседей и т. д.).

Создаются типологии вызовов и ответов. К первым, например, относят демографические (снижение естественного прироста населения, перенаселенность и др.), экологические (изменение климата, истощение ископаемых и других ресурсов, разрушение озонового слоя и др.), экономические (финансовый кризис, экономическая рецессия и т. д.), социальные (бедность, девиации, межрелигиозные и межэтнические конфликты и прочее) и др.

Ответы классифицируются. Например, по критерию результативности и последствий, когда выделяются «простой успешный ответ» – прекращает или компенсирует действие вызова, ведет к закреплению эффективных способов действия; «перспективный успешный ответ» – помимо преодоления вызова, открывает новые возможности; «безуспешный ответ» – не преодолевает вызов, что ведет к постепенному разрушению системы, появлению и усилению внутренних и внешних вызовов; «деструктивный ответ» – усиливает действие вызова и ведет к более быстрому разрушению системы, лавинообразному появлению и усилению внутренних и внешних вызовов [3].

При всем разнообразии проблем (вызовов), через решение которых осуществляется процесс социальной саморегуляции, особое значение, как нам представляется, имеют те, которые замыкают на себя наиболее общие процессы функционирования и развития общества. А они касаются, во-первых, порядка устройства социума, образующих его институтов, системы социальных взаимоотношений, во-вторых, способа, форм жизни людей.

Соответственно содержание саморегулирующего воздействия двуедино и состоит, во-первых, в придании активности людей направленности, целесообразной для функционирования и развития данной социальной общности; во-вторых, в обеспечении благоприятных условий для проявления человеческой активности, реализации мотивов широких масс населения. Этот процесс мы назвали энергоинституциональной задачей, если понимать под энергетикой социальную активность людей, а под институционализацией – процесс организации различных социальных образований [4].

Именно энергоинституциональная задача является тем общесистемным внутрисоциальным вызовом, который определяет основную линию эволюции общества. В свою очередь, процесс ее решения по содержанию и способам имеет вариативный характер. В этом причина того, что он может носить своеобразный характер в разных регионах, даже в одно и то же историческое время. Особенно очевидно это при сравнении, которое сделал в свое время М. Вебер, трех крупнейших ветвей социокультурной традиции, каждую из них отличает специфический характер отношения человека к миру и его поведения: индуистско-даосистской присуще «бегство от мира», конфуцианско-даосистской свойственно «приспособление к миру», а иудаистско-христианской – ориентация на «овладение миром».

Объяснить данное социокультурное своеобразие можно следующим образом. Перед каждым человеческим сообществом стояла необходимость решения энергоинституциональной задачи, иными словами, выживания и организации совместной жизни людей. А потенциальная вариативность в ее решении сделала возможным появление разных его методов, следовательно, и отличий в способе жизни и порядке организации социума.

Поскольку процесс социальной саморегуляции – это в решающей степени продукт человеческой деятельности, то регулирующее воздействие в принципе не в состоянии охватить, организовать, предусмотреть, спланировать весь социальный, жизненный процесс. Более того, возможен вариант неэффективного решения энергоинституциональной задачи, или, в другой терминологии, неадекватных ответов на вызовы своего времени. Это особо очевидно сегодня перед лицом общепланетарных проблем, касающихся глобального выживания и требующих в первую очередь изменения ценностных ориентиров и содержания человеческой деятельности.

Литература

1. Тойнби, А. Дж. Постигание истории / А. Дж. Тойнби. М., 1991. С. 108.
2. Там же. С. 119–120.
3. Розов, Н. С. Интегральная модель исторической динамики: Структура и ключевые понятия / Н. С. Розов. <http://www.nsu.ru/filf/rpha/papers/dyn/syp-w.htm>
4. Рубанов, А. В. Социальное развитие: энергоинституциональный подход / А. В. Рубанов. Минск, 1994.